



Вязинкин А. Ю. Крестьяне в революционных событиях начала XX века : по материалам Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 402—417. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-402-417.

Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. (2023). Peasants in Revolutionary Events of Early 20<sup>th</sup> Century: Materials of All Union Society of Political Prisoners and Exiles. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 402-417. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-402-417. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-402-417

## Крестьяне в революционных событиях начала XX века: по материалам Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев

**Вязинкин Алексей Юрьевич**

[orcid.org/0000-0003-3821-6168](https://orcid.org/0000-0003-3821-6168)

кандидат философских наук, доцент,  
старший научный сотрудник  
[vyazinkin@yandex.ru](mailto:vyazinkin@yandex.ru)

**Якимов Кузьма Александрович \***

[orcid.org/0000-0003-1756-3515](https://orcid.org/0000-0003-1756-3515)

кандидат исторических наук,  
старший научный сотрудник,

\* *корреспондирующий автор*

[kuzma.yakimov@mail.ru](mailto:kuzma.yakimov@mail.ru)

Тамбовский государственный  
технический университет  
(Тамбов, Россия)

### Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта  
Российского научного фонда

№ 22-18-00132,

<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

## Peasants in Revolutionary Events of Early 20<sup>th</sup> Century: Materials of All Union Society of Political Prisoners and Exiles

**Alexey Yu. Vyazinkin**

[orcid.org/0000-0003-3821-6168](https://orcid.org/0000-0003-3821-6168)

PhD in Philosophy, Associate Professor,  
Senior Researcher  
[vyazinkin@yandex.ru](mailto:vyazinkin@yandex.ru)

**Kuzma A. Yakimov \***

[orcid.org/0000-0003-1756-3515](https://orcid.org/0000-0003-1756-3515)

PhD in History,  
Senior Researcher,

\* *Corresponding author*

[kuzma.yakimov@mail.ru](mailto:kuzma.yakimov@mail.ru)

Tambov State Technical University  
(Tambov, Russia)

### Acknowledgments:

The study was supported by the Russian  
Science Foundation, grant

№ 22-18-00132,

<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

## ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

### Аннотация:

Проанализировано участие поколения «революционного перелома» — выходцев из крестьянской среды в политической жизни Российской империи начала XX века. Актуальность выбранной темы связана с востребованностью в отечественной исторической науке крестьяноведческих и поколенческих исследований. На основе материалов Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и вспомогательных архивных источников определяются характерные особенности заданной проблемы в социально-историческом аспекте. Исследование базируется на методологическом сценарии: квантификация — систематизация — интерпретация. Материалы исторических источников обобщены в таблицах. Систематизированные материалы были проанализированы, а результаты интерпретированы в контексте социально-исторического содержания модернизационных процессов конца XIX — начала XX веков и их влияния на жизнь сельского социума в Российской империи. Отмечается несомненное доминирование среди представителей революционного движения изучаемого поколения мужчин, что связывается с сильным влиянием габитуса патриархального сельского мира. Установлено, что они имели невысокий уровень образования, отразившийся на мотивировке участия в политических объединениях, допустимости сочетания участия в двух объединениях или легкого перехода из одной партии в другую, поверхностности политического сознания.

### Ключевые слова:

крестьянство; поколение «революционного перелома»; Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев; революционное движение; социальная история.

## ORIGINAL ARTICLES

### Abstract:

The participation of the “revolutionary turning point” generation of people from the peasant environment in the political life of the Russian Empire at the beginning of the 20th century is considered. The relevance of the chosen topic is connected with the demand for peasant studies and generational studies in the domestic historical science. Based on the materials of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiles and auxiliary archival sources, the characteristic features of the given problem in the socio-historical aspect are determined. The study is based on a methodological scenario: quantification — systematization — interpretation. Materials of historical sources are summarized in tables according to certain criteria developed in accordance with research tasks. The systematized materials were analyzed, and the results were interpreted in the context of the socio-historical content of the modernization processes of the late 19th and early 20th centuries. and their influence on the life of rural society in the Russian Empire. There is an undoubted dominance among the representatives of the revolutionary movement of the studied generation of men, which is associated with the strong influence of the habitus of the patriarchal rural world. It was established that they had a low level of education, which was reflected in the motivation for participation in political associations, the admissibility of a combination of participation in two associations or an easy transition from one party to another, and the superficiality of political consciousness.

### Key words:

peasantry; generation of “revolutionary turning point”; All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers; revolutionary movement; social history.

## **Крестьяне в революционных событиях начала XX века: по материалам Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев**

© Вязинкин А. Ю., Якимов К. А., 2023

### **1. Введение = Introduction**

Изучение истории российского крестьянства посредством обращения к уникальному периоду трансформации жизненного уклада деревни и ее традиционных институтов является актуальной проблемой крестьяноведения. Социально-исторический анализ при осуществлении междисциплинарного подхода в исследовании позволяет рассмотреть факторы и особенности формирования революционных настроений и революционного авангарда из числа выходцев из крестьянской среды — представителей поколения «революционного перелома».

В ряде современных исследований изучены некоторые социально-демографические аспекты обозначенной проблемы [Безгин и др., 2022; Якимов, 2021]. Исследователи пришли к важному выводу о том, что «апогей революционных выступлений молодежи пришелся на период первой русской революции 1905—1907 годов» [Безгин и др., 2022, с. 1243]. Однако ряд аспектов обозначенной нами проблемы на сегодняшний день не исследован.

Цель исследования заключается в комплексном социально-историческом анализе проблемы политического участия поколения «революционного перелома» — выходцев из крестьянской среды — в революционных событиях начала XX века. Достижение цели предполагает изучение следующих аспектов проблемы: гендерного фактора, уровня образования, национальной принадлежности, динамики революционной активности, политических убеждений и партийной принадлежности участников революционных событий.

Для отбора релевантных материалов, полученных из исторических источников, важно сформировать «представление о границах одного поколения» [Дубин, 2005, с. 63], которое будет не только определено хронологически, но и станет своеобразной фиксацией общего для этого поколения значимого социокультурного опыта, который включает не только унаследованные традиции, но и индивидуально и совместно пережитые события, определенным образом оформленные в единой культурно-символической среде.

Т. Шанин отмечал, что ученые любят ориентироваться на точные границы, пренебрегая фактурой, поскольку она изменчива [Шанин, 2005, с. 10]. Наш же специфический исследовательский случай требует учета и конкретных рамок, и фактуры. В фокусе нашего анализа находится то, что Б. В. Дубин назвал «именным поколением», то есть поколением ««свидетелей» крупномасштабного перелома, общего срыва большинства рутинных механизмов социального порядка, систем его поддержания и воспроизводства» [Дубин, 2005, с. 68]. Разумеется, социология часто имеет дело с поколенческими исследованиями. Однако и в исторических исследованиях такой подход встречается. Существуют зарубежные исследования, в фокусе которых находится так называемые «именные поколения» [Spitzer, 1987; Wohl, 1979].

Наше исследование базируется на комплексе понятий. В первую очередь, это понятие «поколение революционного перелома», к которому сам автор концепта, отечественный социолог Ю. А. Левада относит поколение родившихся «примерно в 90-х годах XIX века» [Левада, 2006, с. 34]. Причем сам период «революционного перелома» имеет нижнюю границу — 1905 год и верхнюю — 1930 год. Мы, как и ряд других современных исследователей [Ипполитов, 2023; Сафонов, 2023; Слезин, 2022; Shitova et al., 2022; Slezin, 2023], полагаем, что при таком не вполне четком определении, которое является, скорее, фактурным достоинством концепта, нежели его недостатком, следует трактовать поколение «революционного перелома» расширительно. Специфика нашего исследовательского кейса, которая связана прежде всего с источниковыми материалами и особенной выборкой (члены Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев), предполагает это расширение в направлении нижней границы определения даты рождения представителей «поколения». Мы предлагаем трактовать поколение «революционного перелома» в контексте указанной научной проблемы как людей, родившихся в период с 1881 по 1896 годы. Смещение границ и 16-летний поколенческий цикл обусловлены спецификой социально-исторической проблемы и статистическими данными, полученными при обработке материалов, извлеченных из источников.

## 2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Решение заявленной проблемы предполагает использование подходов поколенческой истории, которые связаны с демографическими статистическими данными и методами исторической социологии. Т. Шанин утверждал, что поколенческий подход в изучении истории позволяет увидеть «более богатую точную картину» истории: «При таком подходе один из способов понять, как и куда движется история, — это установить и правильно вычленить главные события, которые сформировали мышление слоя людей, играющего

ныне решающую роль. Поэтому можно говорить о поколении определенной войны, поколении определенного кризиса и т. д., если данные события обусловили их видение и мышление» [Шанин, 2005, с. 8].

Уместно использование поколенческого подхода к изучению нашей конкретно-исторической проблемы в связи со спецификой исследуемого исторического периода, который насыщен событиями, захватившими подавляющее большинство населения страны либо отразившимися на нем. В таких исторических условиях и обстоятельствах вырабатывается то, что Т. Шанин называл «духом поколения», объединяющим «всех, кто прошел через одни и те же события, и о поколенческих единствах» [Там же, с. 17]. Нельзя не согласиться с его мнением: «Русскую революцию не объяснить без поколенческого анализа русского общества в этот период» [Там же, с. 20].

Социально-исторический анализ проблемы, как отмечалось выше, подразумевает освещение разнообразных аспектов трансформации жизненного уклада деревни в годы «революционного перелома», а также влияния этой трансформации на формирование сознания выходцев из крестьянской среды. И в этом отношении методологически мы опираемся на определенную последовательность обработки данных, полученных из исторических источников и представляющих собой эпистемологическую схему интегрированной «исторической социальной науки»: квантификация — систематизация — интерпретация. Такой подход базируется на теоретических разработках австрийского историка Р. Зидера, ориентирующегося в социально-историческом анализе на плюрализм возможных перспектив [Зидер, 1993, с. 178].

Основным источником для настоящего исследования послужил биографический справочник «Политическая каторга и ссылка», составленный в 1934 году на основании индивидуальных анкет и содержащий ценные сведения об участниках революционного движения, прошедших через каторгу и ссылку в конце XIX — начале XX веков [Политическая каторга ..., 1934, с. 15—886]. Данные справочника послужили основой для проведения социально-демографического исследования с выборкой поколения «революционного перелома» — выходцев из крестьянской среды — в качестве отдельного объекта исследования.

При составлении таблицы базы данных нами был выработан формуляр в формате Excel, охватывающий ключевые социально-биографические характеристики выходцев из крестьянского сословия, родившихся в период с 1881 по 1896 годы. Несмотря на разнообразие содержащейся в биографическом справочнике информации о политкаторжанах, первоочередное внимание при построении формуляра отводилось количественному анализу наиболее полно представленных персональных характеристик революционеров (национальность, пол, дата рождения, уровень образования,

политическая принадлежность, а также годы начала революционной деятельности и ареста). На основании полученных результатов были построены диаграммы, отражающие основные результаты просопографического исследования.

Вместе с тем следует отметить, что рассматриваемая нами выборка имеет свою специфику в силу некоторых особенностей вступления политкаторжан в состав Общества. Во-первых, его членами могли стать только представители леворадикального крыла революционного движения, поэтому среди них нет ни кадетов, ни трудовиков, ни октябристов. Во-вторых, изначально членом Общества могли быть лишь те, кто имел стаж революционной деятельности не менее 25 лет и в течение 4 лет подвергался репрессиям со стороны царской власти. И только после решения IV съезда Общества, принятого в 1931 году, был упрощен порядок вступления. Отныне его членом мог стать любой участник революционного движения, подвергшийся аресту, тюремному заключению, каторге или ссылке. Исключение касалось лишь тех, кто, будучи в местах отбывания наказания, обращался к дореволюционной власти с прошением о помиловании. При этом анкеты политкаторжан, заполняемые ими при вступлении в Общество, проверялись на предмет достоверности, о чем свидетельствует весьма длинный список исключенных за искажение или сокрытие личных данных о своем революционном прошлом.

В то же время полезным оказалось обращение к материалам Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), в фондах которого сохранились личные дела членов Общества. Автобиографии рассматриваемых политкаторжан позволили глубже понять источники революционной активности выходцев из крестьянского сословия, а также уточнить и конкретизировать полученные результаты количественного анализа воспоминаниями участников революционного движения. Не менее значимым источником стал историко-революционный журнал «Каторга и ссылка», содержащий ценные сведения о революционном прошлом политкаторжан.

### **3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion**

#### **3.1. Гендерный аспект**

На момент составления биографического справочника всего насчитывалось 2980 членов Общества. Крестьян, родившихся в период с 1881 по 1896 годы, среди них было 651 человек. Данный показатель отражает весьма существенную долю крестьян поколения «революционного перелома» в общем составе Общества (21,8 %). Следует отметить, что при составлении таблицы базы данных нами учитывались те, кто был выходцем из крестьянских семей, в то время как их революционный путь не всегда

был связан с деревней. Тем не менее мы учитываем мощное влияние габитуса патриархального сельского социума на характерные особенности социально-психологического поведения и, как следствие, социально-исторического развития.

Гендерный состав рассматриваемой когорты отличался заметным преобладанием мужчин — 622 человека (90,5 %). Столь незначительная доля крестьянских девушек (9,5 %) среди революционно настроенной части российской деревни периода поздней империи в первую очередь объясняется традиционными представлениями о месте и роли женщины в семье. Как справедливо заметил В. Б. Безгин, ключевая цель семейного воспитания деревенских девушек заключалась в подготовке ее основного предназначения — быть матерью и женой [Безгин, 2017, с. 11]. Соответственно, и процесс социализации девушек имел иные направления. В частности, на селе господствовали представления о том, что обучение девочек грамоте и тем более получение образования в специализированных учебных заведениях являются необязательными и даже вредными, тогда как гимназии и университеты нередко становились тем местом, где молодые люди знакомились с революционными идеями.

### 3.2. Уровень образования



Рис. 1. Уровень образования крестьян в (%)

Сравнительно невысоким был уровень образования революционно настроенной части крестьянства (рис. 1), что объясняется объективными факторами развития образовательной системы в Российской империи. При этом низкий уровень доступности образования для выходцев из крестьянской среды был одним из важнейших социальных факторов радикализации их поведения в условиях революционной политической атмосферы.

Тем не менее из общего числа представителей рассматриваемого поколения только 8 человек (1,2 %), характеризую себя, выбрали ответ «малограмотные». Более половины сельчан (51,6 %) в графе «образование» указали низшее, что фактически предполагало прохождение обучения в начальной школе. В то же время существенная часть крестьян отметила наличие домашнего образования (17,1 %), распространенность которого во многом объясняется возросшим к концу XIX века количеством земских школ домашнего обучения, более адаптированных к укладу жизни сельских обывателей. Среднее образование (23,5 %), как правило, было у тех, кто окончил гимназию или духовную семинарию, где многие из крестьян и знакомились с революционными идеями. К примеру, уроженец с. Копорье Санкт-Петербургской губернии Ф. С. Петров познакомился с революционной пропагандой большевиков через кронштадтских гимназистов [Каторга и ссылка ..., 1934, с. 130]. Были и те, кто оказался исключен из средних (4,7 %) и высших (1,9 %) учебных заведений в силу своей революционной деятельности, ареста или возникших финансовых трудностей. В частности, И. М. Кухалишвили был исключен из духовной семинарии после участия в октябрьских событиях 1905 года, а причиной для исключения из училища Е. Х. Румбы послужило распространение революционной литературы [Политическая каторга ..., 1934, с. 341, 553].

### 3.3. Национальный аспект



Рис. 2. Национальный состав в (%)

Не меньший интерес представляет национальный состав рассматриваемой выборки (рис. 2). На основании имеющихся данных мы видим вполне закономерное преобладание наиболее многочисленных народов, населявших Российскую империю в конце XIX — начале XX веков. Среди них было 345 русских (52,9 %), 102 украинца (15,6 %) и 24 белоруса



(3,2 %). Значительна доля латышей — 89 человек (13,6 %) — в национальном составе революционно настроенной части российского крестьянства. Причины их революционной активности во многом были обусловлены недовольством засильем немецких помещиков, а также административным гнетом и политикой русификации царского правительства [Блейере, 2005, с. 59—60]. По всей видимости, их радикальные мотивы имели существенный националистический оттенок. Схожие мотивы стимулировали участие грузинского (5,3 %) и польского (3,9 %) крестьянства в революционном движении начала XX века в Российской империи. Весьма незначительной оказалась доля евреев (1,2 %) среди крестьян поколения «революционного перелома», тогда как в общем составе Общества они составляли около 20 % [Якимов, 2021, с. 170]. Это обстоятельство объясняется тем, что евреи в большинстве случаев проживали либо в городах черты оседлости, либо в мелких неземледельческих поселениях, где преобладала торгово-ремесленная часть населения.

В социально-историческом смысле для выявления как статических, так и динамических показателей важной составляющей биографий политикаторжан был год начала революционной деятельности, позволяющий нам рассчитать возраст политической инициации членов Общества и проследить динамику развития революционного движения в Российской империи в начале XX века. Как показывают результаты проведенного исследования, абсолютное большинство крестьян поколения «революционного перелома» примкнуло к революционному движению в возрасте от 16 до 24 лет (92,2 %). При этом 43,4 % из них стали оказывать содействие революционному делу в возрасте от 18 до 20 лет. Как правило, в юношеском возрасте крестьяне освобождались от чрезмерной опеки со стороны старших родственников и при этом в большинстве случаев оставались свободными от семейных уз и соответствующих обязательств, что делало их более предрасположенными к восприятию революционной агитации. Именно в этом возрасте, для которого в целом свойственен юношеский максимализм и сравнительно низкий порог внушаемости, молодые крестьяне покидали привычную социокультурную среду, уезжая в города и поступая в учебные заведения, где многие из них и знакомились с революционными идеями. Вместе с тем были и те, кто начал оказывать содействие революционному делу в возрасте от 13 до 15 лет (4,6 %). К примеру, М. В. Горячева еще 12-ти летним подростком родители привезли из деревни в Санкт-Петербург, где через пару лет на заводе «Вулкан» он и попал под революционное влияние [Каторга и ссылка ..., 1932, с. 187]. Самой немногочисленной возрастной группой среди крестьян рассматриваемого поколения оказались лица от 25 до 28 лет (3,2 %).

### 3.4. Динамика революционной активности



Рис. 3. Динамика развития революционного движения

Год вступления в партию как один из критериев социально-исторического анализа позволяет нам проанализировать динамику политической активности радикальных представителей поколения «революционного перелома» — выходцев из крестьянской среды. Абсолютное большинство крестьян примкнуло к революционному движению в период первой российской революции — 53,6 %, при этом пик революционной активности пришелся на 1905 год — 36, 2% (рис. 3). Например, крестьянин И. С. Иочков-Вакуленко указал в своей автобиографии, что познакомился с революционными идеями в 1905 году через меньшевиков во время забастовки торговых служащих [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 775, л. 3]. Уроженец Смоленской губернии Д. А. Бобков во время прохождения военной службы под впечатлением от событий «Кровавого воскресенья» занялся активной антиправительственной пропагандой [Каторга и ссылка ..., 1935, с. 131]. Стихийность возникновения революционных настроений в 1905 году в своей автобиографии отмечала Н. Ф. Казанская-Фомина [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 1888, л. 3]. Значительная часть крестьян (37,3 %) стала оказывать содействие революционному делу в 1902—1904 годах. Главная причина роста революционной активности крестьян в указанный период — тяжелое материальное положение их хозяйств в связи с обострившейся к началу XX века проблемой малоземелья. Как отмечали В. В. Кондрашин и И. Н. Слепнёв, рост протестных настроений на селе в предреволюционные годы во многом был обусловлен кризисом в стране и голодом, охватившим основные зерновые районы Российской империи, а также отразившимися на политической стабильности и национальном самосознании военными неудачами империи в ходе русско-японской войны [Кондрашин, 2021, с. 49].

Период непрерывной революционной деятельности (от момента вступления в политическую организацию до первого ареста) у крестьян в боль-

шинстве случаев был продолжительностью от 1 года до 3 лет (66,7 %). В то же время было немало тех, кто оказывал содействие революционному делу всего несколько месяцев (14,6 %). И лишь немногим (18,7 %) удавалось успешно избегать репрессий более трех лет. В большинстве случаев причиной для их ареста могло послужить хранение оружия, участие в демонстрациях и забастовках, а также распространение «революционной» литературы. Однако в некоторых случаях оппозиционность крестьян проявляла себя и в более агрессивных формах. Так, К. С. Семерин в апреле 1907 года совершил убийство чиновника особых поручений, Н. Е. Елкин был осужден в декабре 1907 года за вооруженное нападение на интендантского фельдфебеля, И. М. Панферов участвовал в поджогах помещичьих усадеб и подготовке покушения на командира войск Казанского округа Саднецкого [Политическая каторга ..., 1934, с. 576—577, 210, 475].

Из тех, чьи судьбы нам известны, 213 человек (32,7 %) были арестованы два и более раз. Многие из них имели действительно впечатляющий послужной список арестов, а потому неудивительно, что впоследствии они оказались на каторге или в ссылке. В частности, уроженец Владимирской губернии К. А. Киселев за период с 1905 по 1916 годы подвергался аресту 4 раза, а украинец И. Т. Криворученко с 1905 по 1911 годы был арестован 6 раз [Там же, 1934, с. 281, 324]. Повторные аресты нередко применялись к тем, кто смог бежать из мест отбывания наказания. На основании проанализированных данных всего было зафиксировано 86 случаев побега, что составляет 13,2 % от общего количества побегов крестьян рассматриваемого поколения. Некоторые политкаторжане впоследствии скрывались от преследований за границей.

### 3.5. Политическая принадлежность



Рис. 4 Политическая принадлежность

Анализ политической принадлежности политкаторжан свидетельствует о том, что в начале XX века среди крестьян поколения «революционного перелома» были представители всех основных леворадикальных политических течений (рис. 4). По всей видимости, распространенность и привлекательность неонароднической идеологии в сельской местности (в первую очередь в отношении решения земельного вопроса) обусловили преобладание среди радикально настроенной части крестьянства социалистов-революционеров (40,8 %). Весьма многочисленной оказалась доля крестьян среди членов РСДРП (38,8 %), при этом всего 17 человек (3 %) указали на свою принадлежность к фракции большевиков. Можно предположить, что немалая часть из них примкнула к меньшевикам, однако на момент вступления в Общество безопаснее было ограничиться указанием на свою принадлежность к социал-демократам. Пестрый национальный состав рассматриваемой когорты обусловил членство крестьян в различных леворадикальных национальных организациях (16,4 %). Кроме того, среди оппозиционно настроенных крестьян были представители анархо-коммунизма (3,6 %) и анархо-синдикализма (0,4 %).

При этом нередким явлением были переходы из одной леворадикальной организации в другую. Всего 56 человек (8,6 %) в течение своей революционной деятельности числились в двух и более революционных организациях или кружках. В большинстве случаев подобные переходы были стихийными и, как правило, возникали после ареста, побега или смены места проживания. К примеру, уроженец Таврической губернии И. С. Иочков-Вакуленко начал свой революционный путь как меньшевик, в 1907 году примкнул к эсерам, а накануне своего ареста оказывал содействие анархо-коммунистам. В своей автобиографии, объясняя изменчивость политических предпочтений, он отмечал, что попросту был революционером с социалистическими взглядами, воодушевленным подвигами «героев-террористов» [ГАРФ, ф. 533, оп. 2, д. 775, л. 3].

Приведенные данные свидетельствуют о существенном преобладании практического интереса к участию в революционном движении над потребностью теоретического осмысления политической ситуации, сложившейся в империи в начале прошлого столетия. Это определяется и маргинализацией социального статуса выходцев из крестьянской среды, переехавших в город в поисках заработка. Разрыв с традиционным укладом патриархальной крестьянской жизни, с многовековым образом жизни отцов стал предпосылкой готовности к радикальному действию в условиях низкого уровня жизни городских низов и идейно-социальной атмосферы политической смуты, спровоцированной опасным разломом между традицией и модерном в конце XIX — начале XX веков.

#### 4. Заключение = Conclusions

Социально-историческое исследование участия поколения «революционного перелома» — выходцев из крестьянской среды в революционном движении начала XX века, осуществленное на основе анализа исторических источников, количественных данных и их интерпретации, позволило решить поставленные перед исследователями задачи.

Статистические данные в аналитических интерпретациях по таким разным проблемам, как национальная и половая принадлежность, год начала революционной деятельности (политической активности) и членство в различных политических партиях и объединениях, дают довольно полную социально-историческую картину, отражающую проблему участия поколения «революционного перелома» — выходцев из крестьянской среды в политической жизни Российской империи начала XX века. Следует отметить, что, несмотря на характерное для леворадикальных сил требование гендерного равенства и эмансипации женщин, а также на народолюбческую традицию активного участия женщин в революционно-освободительном движении, в действительности процент их в составе политически активных радикальных организаций был крайне невысок, что связано в первую очередь с характерным габитусом деревни, где патриархальные устои имели значительную силу.

Наибольшая политическая активность выходцев из крестьянской среды поколения «революционного перелома» пришлась на период 1902—1905 годов, что связано с общим ускорением революционных процессов в стране. В целом для представителей рассматриваемого поколения характерен юный возраст начала революционной деятельности, который нередко приходился на период обучения в гимназиях или университетах. Как правило, период их непрерывной революционной активности не превышал трех лет. Низкая политическая грамотность предопределяла и постоянные переходы из одной партии в другую, совмещение членства в разных леворадикальных организациях, чьи политические программы во многом противоречили друг другу. Тем не менее можно однозначно говорить о популярности социалистических сил, тогда как анархические политические организации не смогли привлечь на свою сторону сколько бы то ни было значимый процент.

Следует сделать вывод о том, что, хотя интенсивный характер модернизационных процессов в Российской империи действительно привел к сильнейшему разрыву с традицией и породил деструктивные формы гражданской социальной и политической коммуникации, ставшие прологом будущей гражданской войны, тем не менее некоторые элементы патриархального уклада русской деревни и его воздействия на те или иные

аспекты развития личности и социума (малограмотность, политическая поверхностность, преимущественно мужское участие в политическом процессе и т. п.) сохранили влияние на выходцев из крестьянской среды поколения «революционного перелома».

<b>Заявленный вклад авторов:</b> все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	<b>Contribution of the authors:</b> the authors contributed equally to this article.
<b>Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.</b>	<b>The authors declare no conflicts of interests.</b>

### Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации Ф. 533. Оп. 2. Д. 75. Л. 3, Ф. 533. Оп. 2. Д. 1888. Л. 3.
2. *Каторга* и ссылка. — 1932. — № 5 (90). — 192 с.
3. *Каторга* и ссылка. — 1934. — № 4 (113). — 173 с.
4. *Каторга* и ссылка. — 1935. — № 1 (116). — 159 с.
5. *Политическая каторга и ссылка*. — Москва : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. — 1934. — 886 с.

### Литература

1. *Безгин В. Б.* Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи / В. Б. Безгин. — Москва : Ломоносов, 2017. — 248 с. — ISBN 978-5-91678-357-5.
2. *Безгин В. Б.* Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома» начала XX века / В. Б. Безгин, К. А. Якимов // Вестник архивиста. — 2022. — № 4. — С. 1235—1247. — DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247.
3. *Блейере Д.* История Латвии. XX век / Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда, А. Странга, И. Фелдманис. — Рига : Jumava, 2005. — 475 с. — ISBN 9984-05-866-2.
4. *Дубин Б. В.* Поколение : смысл и границы понятия / Б. В. Дубин // Отцы и дети : Поколенческий анализ современной России. — Москва : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 61—79. — ISBN 5-86793-370-9.
5. *Зидер Р.* Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» / Р. Зидер // THESIS. — 1993. — Т. 1. — Выпуск 1. — С. 163—181.
6. *Ипполитов В. А.* Влияние голода 1924—1925 годов на общественно-политические настроения крестьянства в Тамбовской губернии / В. А. Ипполитов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 336—362. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-336-362.
7. *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в России в конце XIX — начале XX в. / В. В. Кондрашин, И. Н. Слепнев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2021. — № 4 (60). — С. 14—24. — DOI: 10.21685/2072-3024-2021-4-5.
8. *Левада Ю. А.* Ищем человека : Социологические очерки, 2000—2005 / Ю. А. Левада. — Москва : Новое издательство, 2006. — 384 с. — ISBN 5-98379-070-6.
9. *Сафонов Д. А.* Источники личного происхождения «поколения революции» : проблемы и задачи изучения / Д. А. Сафонов // Историческая наука и архивы в XXI веке : материалы Второй Всероссийской с международным участием научной конференции историков и архивистов. — Самара : ООО «САМАРАМА», 2023. — С. 346—354.

10. Слезин А. А. Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей / А. А. Слезин // Вопросы истории. — 2022. — № 8—2. — С. 106—128. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32.

11. Шанин Т. История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Общество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.

12. Якимов К. А. Социально-демографический облик евреев-революционеров (на материалах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев) / К. А. Якимов // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 26. — № 193. — С. 169—179. — DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-193-169-179.

13. Shitova A. A. The evolution of rural culture in the North Caucasus region in the 1920s: the role of the Komsomol / A. A. Shitova, A. A. Slezin // Voprosy Istorii. — 2022. — № 8—1. — Pp. 79—94. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi23.

14. Slezin A. A. Opposition of Peasants and Komsomol Members in the Spiritual Sphere of the Russian Village in the Early 1920-S / A. A. Slezin // Agrarian History. — 2023. — № 13. — Pp. 22—42. — DOI: 10.52270/27132447\_2023\_13\_22.

15. Spitzer A. B. The French Generation of 1820 / A. B. Spitzer. — Princeton : Princeton University Press. — 1987. — 354 p.

16. Wohl R. The Generation of 1914 / R. Wohl. — Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press. — 1979. — 307 p.

Статья поступила в редакцию 08.04.2023,  
одобрена после рецензирования 13.05.2023,  
подготовлена к публикации 25.05.2023.

## Material resources

GARF — *State Archive of the Russian Federation F. 533. Op. 2. d. 75. L. 3, F. 533. Op. 2. D. 1888. L. 3.* (In Russ.).

*Hard labor and exile, 5 (90).* (1932). 192 S. (In Russ.).

*Hard labor and exile, 4 (113).* (1934). 173 S. (In Russ.).

*Hard labor and exile, 1 (116).* (1935). 159 S. (In Russ.).

*Political hard labor and exile.* (1934). Moscow: Publishing House of the All—Union Society of Political Prisoners and Exiled settlers. 886 p. (In Russ.).

## References

Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2022). Socio-demographic portrait of political prisoners of the generation of the “revolutionary turning point” of the beginning of the XX century. *Bulletin of the Archivist*, 4: 1235—1247. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247. (In Russ.).

Bezgin, V. B. (2017). *The everyday world of the Russian peasant woman of the Late Empire period.* Moscow: Lomonosov. 248 p. ISBN 978-5-91678-357-5. (In Russ.).

Bleyer, D., Butulis, I., Zunda, A., Stranga, A., Feldmanis, I. (2005). *History of Latvia. XX century.* Riga: Jumava. 475 p. ISBN 9984-05-866-2. (In Russ.).

Dubin, B. V. (2005). Generation: the meaning and boundaries of the concept. In: *Fathers and children: Generational analysis of modern Russia.* Moscow: New Literary Review. 61—79. ISBN 5-86793-370-9. (In Russ.).

Ippolitov, V. A. (2023). Impact of Famine of 1924—1925 on Social and Political Mood of Peasantry in Tambov Province. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 336—362. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-336-362> (In Russ.).

- Kondrashin, V. V., Slepnev, I. N. (2021). Peasant movement in Russia at the end XIX — the beginning of the XX century. *Izvestia of higher educational institutions. Volga region. Humanities*, 4 (60): 14—24. DOI: 10.21685/2072-3024-2021-4-5. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2006). *Looking for a man: Sociological essays, 2000—2005*. Moscow: New Publishing House. 384 p. ISBN 5-98379-070-6. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2023). Sources of personal origin of the “generation of revolution”: problems and tasks of study. In: *Historical science and archives in the XXI century: materials of the Second All-Russian Scientific Conference of Historians and Archivists with international participation*. Samara: SAMARAMA LLC. 346—354. (In Russ.).
- Shanin, T. (2005). The history of generations and generational history. *Man. Society. Management*, 3: 6—25. (In Russ.).
- Shitova, A. A., Slezin, A. A. (2022). The evolution of rural culture in the North Caucasus region in the 1920s: the role of the Komsomol. *Voprosy Istorii*, 8—1: 79—94. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi23.
- Slezin, A. A. (2022). Rural youth of the first third of the XX century and its influence on society in the assessments of modern researchers. *Questions of history*, 8—2: 106—128. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32. (In Russ.).
- Slezin, A. A. (2023). Opposition of Peasants and Komsomol Members in the Spiritual Sphere of the Russian Village in the Early 1920-S. *Agrarian History*, 13: 22—42. DOI: 10.52270/27132447\_2023\_13\_22.
- Spitzer, A. B. (1987). *The French Generation of 1820*. Princeton: Princeton University Press. 354 p.
- Wohl, R. (1979). *The Generation of 1914*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 307 p.
- Yakimov, K. A. (2021). Socio-demographic appearance of Jewish revolutionaries (based on the materials of the All-Union Society of Political prisoners and exiled settlers). *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 26 (193): 169—179. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-193-169-179. (In Russ.).
- Zider, R. (1993). What is social history? Gaps and continuity in the development of the “social”. *THESIS*, 1 (1): 163—181. (In Russ.).

*The article was submitted 08.04.2023;  
approved after reviewing 13.05.2023;  
accepted for publication 25.05.2023.*